ТВОЕ МЕСТО В СТРОЮ!
Сергей Зверев
КОНТРАКТНИК
ПОВЕСТКА ЗОВЕТ НА ПОДВИГ

Контрактник

Сергей Зверев

Повестка зовет на подвиг

«Эксмо»
2008

Зверев С. И.

Повестка зовет на подвиг / С. И. Зверев — «Эксмо», 2008 — (Контрактник)

Советские ученые создали бактериологическое оружие с сильнейшим поражающим фактором. Штаммы зловещего зелья были помещены в саркофаг, который захоронили на территории подконтрольного в те годы Гондураса. Через 20 лет контейнером заинтересовались местные спецслужбы, заинтересовались явно не из гринписовских соображений. Подобное оружие – весомый аргумент при решении щекотливых геополитических вопросов. Группа спецназовцев во главе с полковником Тумановым получает задание вывезти из страны сей ящик Пандоры. Недавно пришедший на службу по контракту снайпер Владимир Локис и не представляет, что на его плечи в этой операции ляжет особая ответственность, какую не взял бы на себя даже самый опытный диверсант!

© Зверев С. И., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 28
Глава 9 31
Глава 10 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Сергей Зверев
Повестка зовет на подвиг

Глава 1

1987 год.
Восточный Гондурас, департамент Грасиас-а-Диос.
Недалеко от границы с Никарагуа

В разноголосом птичьем гаме, висящем над густыми кронами деревьев по обе стороны дороги, прорезалось характерное урчание. Через полминуты шоссе выплюнуло из-за поворота запыленный «Ниссан Патруль». На вираже водитель отпустил педаль газа, но тут машина вышла напрямую. И двигатель снова взревел. Ехавшие в джипе явно спешили. За следующим поворотом заросли расступились, и «Ниссан» вкатился в долину. В ней раскинулся небольшой городок. С севера и запада к нему вплотную подходили горы.

Проскочив пыльные окраинные трущобы, водитель сбавил обороты. Даже главная улица городка мало напоминала германские автобаны. На булыжной мостовой джип нещадно трясло. Католическая церковь на главной и единственной площади города помнила, наверное, еще испанских колонизаторов. Центр площади украшал такой же старинный фонтан. Слева от церкви стояло длинное двухэтажное здание, украшенное кучей разноцветных вывесок. Этакий местный бизнес-центр. Место справа от церкви занимало другое двухэтажное здание, покороче. Судя по фасаду, что-то административное. Мэрия или суд. На это намекал выцветший государственный флаг Гондураса, который лениво полоскался над входом. Но людей в джипе местные достопримечательности не интересовали. Уворачиваясь от прохожих, повозок и редких автомобилей, «Ниссан» проскочил площадь и поехал дальше по главной улице. Ближе к окраине мелькнул полицейский участок.

За городом булыжная мостовая перешла в гравий и пошла на подъем. Над зарослями сбоку от дороги возвышалась зеленая гора, ближе других подобравшаяся к городу. У подножия виднелся большой двухэтажный дом с башней, окруженный высоким бетонным забором. Позади дома просматривался водопад, небольшой, но шумный даже в сухую погоду. Через несколько минут дорога уперлась в край глубокого каньона и выползла на мост. Но джип не доехал до него и свернул с гравийки в заросли, на неприметную подъездную дорогу, ведущую в сторону того самого дома. Когда машина подъехала к воротам, стало видно, что поверх забора идет закрученная спиралью колючая проволока, а рядом с воротами за забором стоит вышка, выкрашенная в зеленый цвет. С вышки на дорогу равнодушно смотрел пулеметный ствол.

Гостей явно ждали. Железные ворота распахнулись, едва джип подъехал к ним. «Ниссан», не останавливаясь, вкатился во двор. Подрулив поближе к дому и развернувшись, водитель заглушил двигатель. Стало слышно, что в машине работает радио. Энергичный мужской голос гневно говорил по-испански, что несколько дней назад «контрас напали на госпиталь на окраине Манагуа, организованный братским Советским Союзом. Есть погибшие и раненые, полностью уничтожена медицинская лаборатория госпиталя...».

Сидевший рядом с водителем латиноамериканец открыл дверь и выбрался из машины. Вел он себя словно большой начальник, хотя выглядел лишь на тридцать с небольшим. Водитель, худощавый молодой мужчина, судя по лицу и повадкам – из индейцев племени ленка, тоже открыл дверь, но остался в джипе. За всю дорогу он не издал ни звука. Да и сейчас индеец лишь настороженно поглядывал на небритых охранников в кепках-бейсболках и мокрых от пота майках, с вездесущими «калашами» в руках. Латинос подозвал одного из охранников, видимо старшего. Что-то спросил по-креольски. Выслушав ответ, бросил еще несколько фраз.

Охранник подобострастно кивнул: «Си, сеньор», повернулся к остальным и что-то рявкнул, подкрепив команду выразительным взмахом руки за угол дома. Вскоре вся охрана исчезла из поля зрения, за исключением пулеметчика на вышке у ворот. Да и тот смотрел не во двор, а на дорогу. Тем временем с заднего сиденья джипа выбрался еще один пассажир. В таком же, как на его спутнике, пестром камуфляже без каких-либо знаков различия. Но этот человек был моложе и, наверное, даже в гражданской одежде выглядел военным. Причем не рядовым бойцом, а командиром. Но все же куда заметнее было то, что у него светлые волосы и серые глаза. А кожа темная от загара, а вовсе не смуглая от рождения, как у остальных.

– Почему именно здесь, а не там? – поинтересовался светловолосый, кивнув в сторону границы. Вопрос был задан по-русски. Хорхе Мендоса дружески улыбнулся и ответил на том же языке. Русский он знал в совершенстве, начав учить язык еще до победы революции, в учебном лагере сандинистов на Кубе. Сейчас лишь заметный акцент выдавал в нем уроженца тех краев, где снег бывает только в горах.

– Потому что ТАМ, Мигель, – и он тоже махнул куда-то в южном направлении, – все слишком на виду. Всем все видно. Все под контролем. Это, конечно, хорошо. Но только пока. Ты же знаешь, команданте пообещал принять конституцию до конца этого года.

– Ты сомневаешься, что Ортега останется президентом?

– О, нет. Но многое может измениться еще до следующих выборов.

– Например?

– Например, мы можем заключить перемирие с контрас, – ухмыльнулся Мендоса. Сам он пока еще довольно плохо представлял себе подобное развитие событий. Хотя понимал, что затянувшаяся гражданская война стала для его родины дорогим удовольствием. Даже с поправкой на помощь Советского Союза.

– Ясно, – тот, кого назвали Мигелем, понимающе кивнул. Однако было видно, что он все еще сомневается в правильности выбора места.

– А то, что с территории Гондураса на нас нападают контрас, – продолжил развивать свою идею Мендоса, – это даже к лучшему, никто не догадается тут искать.

– Ты уверен в этих людях? – Мигель кивнул в сторону угла дома, имея в виду скрывшихся из виду охранников.

– Как в себе самом. Они из нашей деревни. Это важно. А нравится им Ортега или нет – все равно. Я сказал им – мне кое-что надо спрятать до лучших времен. Они знают меня, знают моего отца. Этого им достаточно. Не в обычае этой страны задавать лишние вопросы.

– А твой водитель?

Хорхе, прищурившись, бросил взгляд на индейца.

– Он ленка. Такое племя. На Карибском побережье. Их мало. Всех сторонятся. К тому же он глухонемой. Не умеет ни читать, ни писать. Я специально такого подобрал. Он мне обязан, как это у вас говорят, по гроб жизни...

– Хорошо. С этим все ясно. Давай займемся делом. Нам еще назад ехать.

Мендоса махнул индейцу, тот выскочил из машины и распахнул заднюю дверь.

Хорхе и Мигель вытащили из джипа продолговатый оцинкованный ящик темно-зеленого цвета, с красным крестом в белом круге по центру крышки. На боковой грани ящика, тоже посередине, был нарисован желто-зеленый ромб. В верхней половине ромба красовался черный череп над скрещенными костями, в нижней – какая-то абракадабра из букв и цифр. Хорхе и Мигель осторожно внесли ящик в здание с башенкой. Вскоре Хорхе вышел из дома и направился к машине. Обернувшись у дверцы джипа и не увидев русского, он нахмурился. Однако через несколько минут и Мигель показался в дверях дома. Увидев его, Мендоса облегченно улыбнулся и подозвал к себе старшего охраны.

* * *

Спустя всего несколько минут «Ниссан» выехал за ворота. В этих краях границ в общепринятом понимании – то есть со шлагбаумами, таможнями и контрольно-следовой полосой, – не существует. Поэтому через пару часов джип без приключений пересек реку с забавным для русского уха названием Рио-Коко. На гондурасской стороне никакой заставы у моста не было и в помине, так же как и на другом берегу, хотя считалось, что именно по реке проходит граница. Во всяком случае, это утверждал щит с трафаретной надписью по-испански: «Добро пожаловать в Никарагуа». На обратной стороне красовалась такая же надпись, только вместо «Никарагуа» она заканчивалась словом «Гондурас». Когда мост скрылся из виду, они сделали короткую остановку. Через несколько километров шоссе выходило к блок-посту сандинистов, и камуфляж без знаков различия мог вызвать ненужные вопросы – светиться им было ни к чему. Мендоса переоделся в форму капитана Революционных вооруженных сил Никарагуа. Мигель же облачился в советское хабэ, как и положено военному советнику в полевых условиях.

Индеец равнодушно смотрел на странные действия своих пассажиров. Сам он переодеваться не стал. Ему это было ни к чему.

...Хорхе посмотрел на часы, потом за окно, где уже начинало темнеть, и сказал:

– До Манагуа полчаса.

– Ты уверен, что никто не знает, куда мы поехали? – Советник, все еще настороже, поправил лежащий на коленях «АКМ».

– Уверен. Я ведь даже тебе не говорил, куда мы едем, помнишь? – Хорхе усмехнулся. Индеец включил фары.

А еще через минуту джип вкатился в затяжной левый поворот. Советник поморщился – пейзаж ему не нравился. Слева к дороге почти вплотную подходили густые заросли, справа прямо с обочины начинался нисходящий склон, густо поросший высоким кустарником. Идеальное место для засады, подумал он, снова поправляя лежащий на коленях автомат, вон и водитель вдобавок скорость сбавляет – на газах такой поворот не пройдешь, даже при полном приводе без проблем улетишь в кусты.

Что называется, накаркал – длинная автоматная очередь прервала монотонное однообразие долгой поездки. К первому стрелку с небольшим опозданием присоединились другие. Посыпались осколки стекол. Но индеец как водитель оказался на высоте. Он резко вывернул руль в сторону, и джип, визжа тормозами, встал поперек дороги, едва не перевернувшись. Машину развернуло фарами в сторону плюющихся огнем зарослей, и на какое-то время «Ниссан» скрылся в туче пыли. Этих мгновений хватило, чтобы советник и Мендоса распахнули двери и вывалились из машины. Не зря, выходит, всю дорогу держали оружие наготове. Мендоса успел заметить, что индеец тоже выскочил из джипа и метнулся к обочине. Оказавшись в кювете, Хорхе и Мигель тут же принялись отползать в сторону, поскольку в баке машины было слишком много бензина, чтобы использовать ее в качестве прикрытия. Тем более что джунгли по ту сторону дороги снова начали метать свинцовый бисер. Причем Мендосе вскоре показалось, что пули свистят как-то уж очень высоко над головой. Невидимые нападавшие почему-то не смогли сразу погасить слепившие их фары, хотя усердно поливали длинными очередями заросли позади джипа. Из-за этого в кювет густо сыпались срезанные пулями листья и ветки. Хорхе даже заподозрил, что их собираются взять живыми, но тут наконец вражеский пулеметчик поймал в прицел мощные галогенные лампы. Да только перестарался – фары, конечно, погасли, зато несколько крупнокалиберных пуль нашли бензобак. И тот взорвался. В опасной близости от голов бывших пассажиров прошелестели раскаленные обломки. В долю секунды джип превратился в мощный факел, ярко осветивший окрестности.

Густеющие сумерки уравняли шансы сторон. Огрызаясь короткими очередями, капитан и советник пытались не дать невидимым стрелкам подобраться поближе. Вдруг Хорхе, повинуясь неясному предчувствию, перевернулся на спину и разрядил оставшиеся полмагазина в заросли позади себя. Только его пули легли заметно ниже, чем летевшие из-за дороги. Сдавленный вскрик и хруст веток, ломаемых падающим телом (или телами) дали ему понять, что он не ошибся. Мендоса не сомневался, что это не индеец – зачем ему лезть в обход через кусты, если он мог просто проползти к ним по кювету? Тем более что за горящим джипом короткими экономными очередями все еще бил его «АКМ». Переворачиваясь обратно на живот, Мендоса прокричал русскому: «Они пытались зайти нам в тыл! Не забывай смотреть по сторонам!» Но тот вытащил из вещмешка рацию и, надевая наушники, жестами просигналил капитану: «Прикрой меня». Хорхе кивнул, сменил магазин и откатился в сторону, забыв об индейце и прихватив с собой «узи», доставшийся ему как трофей в одной из предыдущих спецопераций. Чтобы отвлечь внимание настырных чужаков на себя, он, не целясь, выпустил из него несколько очередей в их сторону. Мендоса нисколько не сомневался, что ни в кого не попал. По большому счету, израильская игрушка была прекрасным оружием для ближнего боя при свете дня, но в сумерках пламя, вылетающее из ствола при выстреле, послужило другой цели. Нужно было дать Мигелю хоть пару минут, отведя огонь нападавших в сторону. Контрас, или кто там был в джунглях, «пошли навстречу» Мендосе. Он едва успел сменить «узи» обратно на «калашников» и переместиться еще на несколько метров, когда сразу несколько стрелков сосредоточили свой огонь на том месте, где он только что лежал. Хорхе не остался в долгу, чертыхаясь и сожалея, что нельзя было прихватить с собой «шилку» из тех, что охраняют аэропорт в Манагуа, – русская зенитная самоходка своими четырьмя стволами, по восемьсот выстрелов в минуту каждый, просто выкосила бы изрядный кусок сельвы вместе с назойливыми стрелками.

Тем временем советнику повезло – он «дозвонился» до советской базы в Диарамбе. Услышав, что помощь будет, советник отбросил наушники, подхватил автомат и присоединился к никарагуанцу. Постоянно перемещаясь из стороны в сторону, они короткими очередями били по огонькам вражеских выстрелов. Их самих пока еще ни разу не зацепило. Возможно, противник стремился взять их живыми и поэтому поначалу ограничивался тем, что пытался просто прижать их к земле. Зато перед двумя друзьями такой задачи не стояло и они старались бить на поражение. Вовсе не планируя брать пленных. В больших количествах. Время от времени в грохоте стрельбы прорезывался чей-то истошный вопль, красноречиво свидетельствующий о том, что еще один противник выбыл из игры. По крайней мере, временно. Ага, а вон там, похоже, пулеметчик. Зря ты, амиго, ленишься позицию менять, зло подумал Мигель, нажимая на спуск. Две короткие очереди ушли в сумерки «на огонек». Похоже, как минимум одна из пуль нашла цель – из зарослей донесся сдавленный вскрик, и пулемет затих. Вскоре паузы в перестрелке начали становиться все более отчетливыми. Судя по всему, противников действительно стало меньше. Или они начали экономить патроны, все еще надеясь взять обороняющихся измором. Однако больше никто не пытался пересечь дорогу, чтобы зайти русскому и Мендосе в тыл. Стрельба все же продолжалась. Кстати, не случилось ли чего с водителем, что-то его автомата давно не слышно, отметил Мигель. Вдруг Хорхе сдавленно вскрикнул и скатился на дно кювета, зажимая левый рукав выше локтя. Сквозь пальцы сочилась кровь. Мигель повернулся к нему, но тот лишь зло отмахнулся: «Не отвлекайся!» Русский кивнул и, поймав в прицел точку чуть пониже очередной серии вспышек в сумрачных зарослях, привычно нажал на спуск...

Через несколько бесконечных минут он вставил в автомат последний магазин и его палец замер на спусковом крючке. Советник вдруг осознал, что по нему тоже больше не стреляют. Он прислушался и понял почему. Со стороны Манагуа все отчетливее слышался тяжелый гул моторов.

Вскоре передний БТР подошедшей колонны, устрашающе вращая башенкой с крупнокалиберным пулеметом, остановился перед дымящимся остовом джипа, из подъехавших следом грузовиков начали выпрыгивать смуглые солдаты с «калашами», и советник понял, что можно расслабиться. Уже как в тумане, он обнимался со знакомым офицером, помогал затаскивать раненого Хорхе в санитарный автобус, что-то кому-то объяснял...

* * *

Во всех рапортах и отчетах засада приписывалась контрас. Хотя нападавших никто не видел – даже Мендоса и его русский напарник. Кто это был на самом деле, так и осталось неизвестным. Бой закончился в сумерках, и в придорожные джунгли по горячим следам никто соваться не рискнул. Только бронетранспортеры дали для острастки несколько очередей из башенных пулеметов по зарослям, из которых велся огонь по «Ниссану». Однако им никто не ответил. Скорее всего, уцелевшие участники засады трезво оценили свои силы и либо просто затаились, либо сделали ноги, едва заслышав приближение колонны. Индеец, который в начале заварухи оказался по другую сторону подбитого джипа, куда-то пропал – может, просто скрылся, а может, его увели с собой нападавшие. Во всяком случае, в кювете остался его «АКМ» в пятнах крови, пустые магазины и куча стреляных гильз – похоже, он израсходовал все патроны, что у него были. На месте вражеских позиций высланная назавтра из столицы опергруппа не нашла ничего, кроме россыпей автоматных гильз и следов крови. Хотя и Мендоса, и русский надеялись, что хотя бы нескольких нападавших они успокоили насовсем. Или те забрали даже трупы, благо времени у них было достаточно? Но зачем, неужели кого-то можно было опознать? Но это были еще не все странности. Через несколько дней Хорхе по своим каналам получил сообщение, что дом с башней, который он недавно посетил, тоже подвергся нападению. Кто его совершил – контрас, гринго или правительственные войска, присланные из Тегусигальпы, или кто-то еще – было не ясно. Из охраны никто не уцелел. Все люди были убиты. Нападавшие что-то искали – информатор из местной полиции сообщил, что на некоторых трупах были следы пыток. Значит, охранников, которые пережили штурм, допрашивали, прежде чем добить. Но Мендоса был уверен, что допрос ничего не дал нападавшим. Ведь никто из охранявших дом не помогал прятать ящик. Они его даже не видели. Правда, видел пропавший индеец. Более того, он знал, откуда ящик взялся. Но даже он не знал, что в нем и где именно он спрятан. А спустя еще две недели от того же информатора пришло сообщение, что в сельве недалеко от границы, на гондурасской стороне, местные крестьяне нашли обезглавленный труп, – судя по одежде и документам, индейца. Выходило, что с «места происшествия» он все-таки ушел не сам. Мендоса решил, что, несомненно, «подлые контрас» пытали индейца и, ничего не добившись от неграмотного глухонемого, отрубили ему голову мачете.

Однако эта информация не достигла глаз и ушей его начальства. Своему русскому другу он тоже ничего не сказал. Тем более что вскоре Хорхе Мендосу перевели в министерство обороны, а «Мигеля», гвардии капитана ВДВ Михаила Туманова, успевшего получить благодарность лично от президента Даниэля Ортеги, отозвали в Москву. Прощаясь в аэропорту Манагуа, Мендоса и Туманов были убеждены, что дороги их расходятся и они никогда больше не увидятся.

Глава 2

Наши дни

Где-то над облаками монотонно прогудел двухмоторный транспортный самолет. А потом под угасающий гул турбин в небе расцвели белоснежные купола парашютов. На фоне окружавших долину невысоких гор, почти до самых вершин густо заросших лесом, парашюты выглядели как экзотические цветы. Легкий ветерок, слегка теребивший верхушки деревьев, не создал бы парашютистам проблем, даже будь они новичками. Но они явно были профессионалами – все без исключения приземлились в пределах видимости друг друга, никто ничего не вывихнул, не потерял и не повис на дереве. Вскоре парашютисты без лишнего шума просочились сквозь заросли и собрались на поляне у самого края леса. Сквозь стволы деревьев просматривалось большое, подозрительно ровное поле, заросшее невысоким кустарником. Изредка виднелись чахлые деревца. Сплошь кривые, словно согнутые радикулитом.

На поляне собрались полтора десятка мужчин атлетического телосложения. Однако их трудно было принять за спортсменов-любителей даже при наличии очень богатой фантазии. Все спустившиеся с небес носили десантную камуфляжную униформу американского образца, штатное оружие и амуницию воздушно-десантных частей армии США. Сомнения вызывали лишь две вещи: отсутствие знаков различия на униформе и то, что все коммандос принадлежали к белой расе. Афроамериканцев, азиатов или латиносов среди них не было. За одним-единственным исключением. Рядом с командиром группы стоял крепкий смуглый мужчина лет пятидесяти, похожий на мексиканца. Впрочем, командир выглядел ненамного моложе. Мексиканец был в таком же, как у всех, камуфляже, но без снаряжения и оружия. В руках он держал карту. Что еще обращало на себя внимание: снаряжение каждого из них чем-то отличалось от арсенала соседа. Помимо неприметных мелочей, которые видны лишь знатокам, были отличия, доступные и невооруженному глазу. Например, пулеметчика обозначало его оружие – ручной пулемет «М-249», в укороченном десантном варианте, известном как «Миними Пара». Связиста выдавала видневшаяся над плечом антенна портативной, но мощной радиостанции. Обоих гранатометчиков – толстая труба 40-миллиметрового гранатомета «М-203» под стволом винтовки и патронташ с зарядами через плечо. У сапера за спиной висело что-то похожее на классический миноискатель, только сложенное в несколько раз. Да и у остальных было за что зацепиться постороннему взгляду. Лишь медик, который не носил на рукаве белой повязки с красным крестом, выделялся как раз отсутствием видимых дополнений к базовому комплекту снаряжения. Разве что сам рюкзак у него выглядел крупнее обычного, и вместо обычной винтовки «М-16» у него был ее укороченный вариант, карабин «М-4». Собственно, остальным, кроме пулеметчика и снайпера, по штату тоже полагались карабины. Но они, похоже, имели возможность выбора и предпочли более надежные «длинные» винтовки.

Однако лишь у снайпера оружие по-настоящему не было штатным – вместо положенной «ремингтоновской» «М-24» он нес за спиной английскую винтовку «AWF», изготовленную к тому же не под стандартный патрон НАТО, а под усиленный «супермагнум» калибра 8,6 мм. На фоне его широкой спины увесистая, но внешне очень изящная «снайперка» с удлиненным стволом, мощной 12-кратной оптикой и небольшими сошками (наподобие пулеметных) казалась невесомой. Однако снайпер выделялся не только вооружением. Хотя он и не был самым высоким в группе, но телосложение имел вполне атлетическое, с реально накачанными мышцами, а не декоративными буграми культуристов с подиума. Живое, хотя и не слишком запоминающееся лицо вовсе не портила короткая армейская стрижка. Чувствовалось, что у этого солдата есть не только набитые кулаки, но и мозги, которые явно служат чем-то большим, чем приложением к оптическому прицелу. У постороннего человека вполне мог возникнуть

вопрос: что такая интересная личность делает в американской армии? Но на этом болоте не было посторонних людей.

Командир группы оторвался от бинокля и при помощи жестов напомнил подчиненным о необходимости соблюдать тишину и осторожность. Затем взмахом руки скомандовал начало движения. Пропустив группу вперед, командир открыл висевшую на плече сумку, зачем-то достал из нее видеокамеру и двинулся следом. Рядом с ним шел мексиканец, по-прежнему с картой в руках. Коммандос осторожно двигались через заболоченное поле, придерживаясь еле заметной тропки. Вдруг гранатометчик, засмотревшись на что-то, оступился, и его правый ботинок моментально провалился в вонючую зеленую жижу. Ухватившись за протянутую снайпером руку, он выскочил обратно на тропу. И громко выругался по-английски, стряхивая грязь и прилипшую траву. Те, кто видел, что случилось, тихо заржали. Но быстро затихли, натолкнувшись на колючий взгляд командира. Гора, густо заросшая лесом почти до самой вершины, казалось, откололась от горного массива и медленно двигалась идущим навстречу. Где-то возле ее подножия находилась конечная точка их маршрута. Преодолев заболоченную местность, группа вышла на грунтовую дорогу. Она возникла перед ними как-то внезапно, еще за двадцать шагов не была видна. И слева, и справа дорога заворачивала куда-то в заросли. Сама же местность за ней начинала забирать вверх. По большому счету, это была даже не дорога – так, колея с закаменевшими следами тракторных колес. Однако вдоль нее вытянулись в ряд просмоленные деревянные столбы, соединенные паутиной нигде не оборванных проводов. Командир сверился с картой, жестами показал, куда двигаться дальше. Коммандос, сместившись по дороге на десяток столбов влево, начали цепочкой втягиваться на горную тропку.

Вскоре в разрыве зарослей, метрах в семистах вниз по склону, показался какой-то поселок. Судя по всему, там и заканчивалась дорога, которую они недавно переходили. Командир насчитал штук сорок почерневших от времени и частых дождей домиков, отличавшихся от понатыканных вокруг них сарайчиков лишь наличием окон, печных труб и сварганенных из чего попало телевизионных антенн. С краю поселка примостились два серых щитовых барака – на одном над дверями красовались облезлые вывески на русском языке: «Магазин» и «Керосин», назначение второго осталось загадкой. Между бараками стоял ржавый трактор «ЧТЗ» со снятыми гусеницами, все стекла в кабине были выбиты. На другом краю поселка виднелся старый армейский грузовик «ЗИЛ-157», известный больше как «захар». Им, похоже, пока еще пользовались. Но жителей на улице не было видно. Не слышно даже лая собак. Зато везде буйствовал бурьян до самых крыш.

Затейливая змейка маршрута, безобидно вьющаяся по карте, снова поползла вверх. Несколько раз путь пересекали горные речушки, норовистые, но, к счастью, неглубокие. Наконец коммандос уперлись в скалу. Обойти ее было нельзя, но в их планы это и не входило. Они собирались по ней подняться, для чего и тащили на себе всю дорогу альпинистское снаряжение...

Последними на скалу поднялись смуглый старик и командир, который заснял на видеокамеру подъем каждого из своих солдат, то и дело глядя на секундомер. Командир посмотрел в бинокль, несколько раз сверился с картой, и отряд снова двинулся дальше. Примерно через полчаса тропка, прилежно повторявшая прихотливо вьющийся пунктир на карте, вползла в густые заросли и вдруг растеклась в небольшую полянку. Командир оглядел подчиненных и, пользуясь исключительно жестами, напомнил каждому солдату его личную задачу в предстоящей операции. Старик, похожий на мексиканца, терпеливо ждал на краю поляны, высматривая что-то сквозь заросли. И, похоже, высмотрел – на его лице появилась довольная гримаса.

Командир, закончив последний инструктаж, жестом скомандовал: «Вперед». Коммандос растворились среди валунов, рассеянных по пологому склону. У самого подножия горы, среди южной растительности возвышался приметный двухэтажный дом с башней. Побеленные изве-

стью стены. Высокий бетонный забор. Поверх забора закрученная спиралью колючая проволока. У ворот – вышка с пулеметчиком.

Командир снова включил видеокамеру. Мексиканец что-то сказал ему на ухо. Тот кивнул, глядя в бинокль на то, как группа медленно, но верно подбирается к объекту...

* * *

Сухой щелчок. Снайпер из длинноствольного английского «штуцера» снял пулеметчика на вышке. Тот кулем осел на пол, заваливая пулеметную треногу, ствол пулемета задрался вверх. Перекрестье оптического прицела плавно сместилось влево в поисках следующей мишени. Лязг затвора, выстрел – и опустел оконный проем на втором этаже. Еще выстрел... Секундой позже гранатометчик эффектно вынес ворота. Взрыв, грохот, дым, сухой треск автоматных очередей. Следующая граната разорвалась уже во дворе. Однако защитники дома продолжали отстреливаться, видимо полагая, что основной удар наносится через главный вход. В этом мнении их старательно поддерживал снайпер, методично зачищая оконные и дверные проемы на обоих этажах от зазевавшихся противников и не забывая менять магазины – снайперская винтовка не пулемет, в обойме лишь пять патронов. Гранатометчик, тщательно прицелившись, снова выстрелил. Удачно – граната, пролетев над сорванными с петель остатками ворот, разнесла в щепки двери дома. Залегший неподалеку медик азартно садил короткими очередями, не давая защитникам дома с башней вести прицельный ответный огонь. Тем временем гранатометчик поменял боеприпасы, и в окна полетели гранаты со слезоточивым газом, следом во двор – дымовые. В этот момент, судя по шуму, эпицентр боя внезапно сместился куда-то на задний двор, где тоже одна за другой взорвались несколько гранат, из-за дома донесся частый перестук пулеметных очередей и треск автоматов – остальные десантники ворвались в дом с той стороны, откуда их не ждали... И все. Тишина.

Напор, помноженный на неожиданность, дал свои результаты – бой закончился раньше, чем нападавшие потеряли хотя бы одного человека. Командир опустил видеокамеру и обменялся взглядами с мексиканцем. Тот кивнул. Он доволен тем, что увидел.

* * *

Снайпер, все время боя остававшийся за периметром объекта, – с тяжелой и длинной снайперской винтовкой нечего делать в маленьких комнатах и узких коридорах, тем более что и без него было кому по ним бегать, – с интересом осматривал сооружение, которое они только что штурмовали. Снаружи ничем не отличимое от обычного дома, внутри оно оказалось чем-то вроде киношной декорации: голые обшарпанные стены, без намека на обои, краску или хотя бы побелку, бревенчатые подпорки, перегородки из наспех сбитых фанерных щитов вместо внутренних стен. Да и вообще, все, что тут только что творилось, со стороны выглядело вполне по-голливудски. Разве что закончилось очень быстро. Даже пулеметчик, которого он «снял» в самом начале, был всего лишь набитым песком пластиковым манекеном. Как и все остальные его мишени. Во дворе обнаружились прочие участники недавнего боя. «Защитники Белого дома» курили вместе с «американскими коммандос», приятельски улыбаясь.

В воротах показался командир, обвел всех глазами и произнес первую с момента приземления фразу по-русски:

– Полчаса на то, чтобы привести себя в порядок. Потом – разбор полетов...

К назначенному времени во дворе стоял импровизированный стол, который соорудили из пустых деревянных ящиков, в изобилии валявшихся во дворе. На столе возвышался новенький раскрытый ноутбук с большим экраном. Участники недавнего штурма, выстроившись полукругом, просматривали запись боя, сделанную командиром. Сам он стоял сбоку, глядя и на

экран, и на своих бойцов. Рядом с ним на ящике пристроился «мексиканец». Старик, похоже, был удовлетворен тем, что успел увидеть непосредственно во время штурма, и не слишком внимательно смотрел на монитор. Командир по ходу комментировал происходящее на экране ноутбука.

– Все со своими обязанностями более или менее справились. Даже без скидки на то, что мы ограничены во времени на подготовку. Но ресурсы для улучшения есть. Особенно у некоторых. Вот ты, Локис, – он ткнул пальцем в снайпера, – вместо того, чтобы поразить «пулеметчика» в голову, стрелял в грудь. А если бы на нем был бронежилет? Или ты понадеялся на усиленный патрон? И, кстати говоря, как десантник, уже имеющий опыт боевых операций в горах, ты мог бы и побыстрее подняться на скалу. Ты, Егоров, – теперь командир повернулся к связисту, – не уложился в норматив, развернул связь с опозданием на две с половиной минуты! Это учения. А в реальной боевой обстановке все это может обернуться проблемами... А вам, товарищ лейтенант, – палец командира едва не уткнулся в грудь медику, и тот невольно отшатнулся, – я советую все же помнить, что огневая поддержка – не ваша основная задача. Не надо увлекаться. Увлекаться могут любители. А мы – профессионалы...

Старшина Александр Петренко, сапер сводной мобильной группы и по совместительству лучший друг, услышав командирские пожелания снайперу, похлопал Локиса по руке и подмигнул: «Не дрейфь, все будет в порядке». Владимир улыбнулся в ответ: «Спасибо, друг». И получил такой же ободряющий тычок с другой стороны. От Валерия Кузьмина, который лучше других в группе управлялся с гранатометом. Можно сказать, гранатометчик от бога. Сам Локис считал: то, что Валера вытворял порой с помощью обычного «РПГ-7», могло не получиться даже у него, снайпера. А еще Валера очень понравился Володиной маме, Антонине Тимофеевне. Вот это действительно надо уметь. Ведь только раз в гости приезжал. А мама каждый раз ему приветы передает... Занятно, однако, что из группы Комарова взяли лишь их троих, при этом не взяли самого майора. Впрочем, как раз это было понятно – Комаров все еще заметно прихрамывал, а два пальца правой руки – мизинец и безымянный – и вовсе оставил на Памире в той памятной «командировке». Да, дорого достались его бывшему взводному майорские погоны... Отложив воспоминания на потом, Локис вернулся к волновавшему его вопросу – он не всех знал в сводной группе до этого задания, несколько человек, похоже, и вовсе были не с их базы под Балашихой. Связист, например, или второй гранатометчик. Кстати, парень этот показал себя неплохо, надо отдать ему должное – подгонять не требовалось. Но все равно Валерка управлялся со своим основным оружием и быстрее, и точнее. Или вот медик. Несмотря на хорошую подготовку, в том числе стрелковую и парашютную, десантником этот лейтенант выглядел только в камуфляже. И то с натяжкой. Если надо, легко сойдет за гражданского – только переодень. Видно, он не просто военный врач. Может, ученый какой-нибудь? Нет, все-таки слишком много новых лиц. Похоже, командира это тоже беспокоило. Наверняка он предпочел бы набрать в группу тех, кого знает сам, а не тех, кого видит в первый раз, пусть и с безупречными рекомендациями...

Командир тем временем закончил раздачу замечаний и пожеланий.

– Вопросы есть?

Владимир поднялся:

– Товарищ полковник, разрешите?

– Слушаю.

– Скажите, почему учения проводились здесь, а не на нашем полигоне? И почему мы в американской форме? И оружие тоже американское. А этот наш объект – что такое, если не секрет?

– Не секрет, товарищ прапорщик. Скажем так... В самое ближайшее время вам предстоит реальная боевая операция в одной из латиноамериканских стран. Группа ваша и собрана под эту конкретную операцию, если кто сам не догадался. Климат, рельеф и многое другое в рай-

оне проведения операции отдаленно напоминает наш Северный Кавказ. Поэтому для учений и выбрали Краснодарский край. Действовать в этой стране официально или хотя бы с ведома властей мы не можем. На местных жителей – не похожи. Отсюда и американское снаряжение. Как говорится, для отвода глаз. Оружие и униформа вероятного противника – обычная практика в подобных операциях спецназа, причем не только нашего. Или ты, Локис, хотел десантироваться в тамошние джунгли в парадной форме? Да еще орден Мужества нацепить? Чтобы местные в ужасе разбежались от одного твоего геройского вида? Так ведь они, дураки такие, не разбегутся... – среди десантников прошелестел тихий смех, командир тоже улыбнулся. – А что касается этого сооружения, то оно специально построено по образцу того самого, которое вам придется штурмовать. Во всяком случае, размещение комнат, окон и дверей совпадает. Все остальные интересные подробности я сообщу, когда мы окажемся на объекте.

Снайпер, как и все, с любопытством посмотрел на «мексиканца». Командир перехватил его взгляд.

– Это – наш товарищ из Никарагуа. – Тот, услышав, что говорят о нем, дружелюбно улыбнулся и отвесил легкий изящный поклон. – Он мой давний друг, и ему можно доверять. В восьмидесятые я был в составе группы советских военных советников в Манагуа, пришлось работать вместе... А теперь он – наш военный советник.

Полковник Туманов не счел нужным вдаваться в подробные объяснения, что его давний приятель действительно прилетел в Россию во вполне официальном статусе. Поскольку не так давно Даниэль Ортега снова стал президентом Никарагуа, в результате самых что ни на есть демократических выборов. Даже американцы не смогли ничего возразить, хотя и не пришли в неописуемый восторг при виде такой сокрушительной победы демократии. В свою команду Ортега позвал многих прежних соратников, нашлось в этой лодке место и для Хорхе Мендосы. Конечно, сеньору президенту вовсе не хочется вспоминать о некоторых вещах, имевших место в те времена, когда он был команданте Ортега. Собственно, поэтому советник президента Хорхе Мендоса и заявился не так давно к старому другу. Именно поэтому, а не потому, что наконец-то вспомнил адрес... В этом Туманов был почему-то уверен.

Этим парням, которых он лично отбирал на базе под Балашихой, предстоит слегка подчистить историю. Полковник не страдал излишней доверчивостью, и его здорово напрягало то, что собирать отряд для предстоящего рейда пришлось, по большому счету, опираясь исключительно на записи в их личных делах и рекомендации психологов и непосредственных командиров. И в какой-то мере по первому впечатлению. Сам он до получения приказа о формировании группы никого из них не то что в деле – на фотографиях не видел. Двух человек ему, правда, удалось взять из своей части. И еще одного ему «спустили» с поправкой на специфику предстоящей операции. Поэтому ему было немного грустно, что он не может взять с собой никого из тех, кто был с ним рядом в Никарагуа в восьмидесятые. Кто-то уже отдал богу душу, кто-то в разное время и по самым разным причинам ушел из армии, а кое-кто сидел теперь выше Туманова, и выдернуть их из тех кресел было бы в высшей степени глупым желанием. Да и не те они уже. Даже у самого полковника была лишь одна причина, по которой он снова отправлялся в сельву. Он получил приказ. Надо ли знать этим парням, почему, собственно, они будут его выполнять? Нет. Не стоит им заморачиваться из-за чужих ошибок. Гораздо важнее не наделать своих. К тому же тяжел он, груз лишних знаний.

Поэтому он сказал:

– Если больше вопросов нет... Полчаса на сборы, проверить снаряжение и привести себя в порядок. Вертолет уже летит сюда. Сегодня же нас доставят на самолете в Подмосковье. Три дня отдыха. Потом общий сбор, через неделю вылетаем.

Глава 3

На берегу небольшого, но вполне живописного озера, окруженного березками и не слишком густым кустарником, сидели двое немолодых мужчин в камуфляже, впрочем, форма была надета совсем не по уставу. У смуглого красавца с черными усами на распахнутой куртке и вовсе не было никаких знаков различия. Длинные удилища в их руках должны были говорить о том, что они просто ловят рыбу, отдыхая после нелегкого трудового дня. Солнце тем временем спускалось все ближе к воде. Однако на то, что это не обычные любители рыбной ловли, намекали не только нездешние этикетки винных бутылок и шикарные закуски на складном столике между рыболовами. Об этом говорили и полковничьи звезды на плечах второго рыболова, и десантные эмблемы на воротнике его куртки, и черный «УАЗ-патриот» с армейскими номерными знаками и спецпропуском под лобовым стеклом, стоявший метров за сто от берега. В машине на водительском сиденье устроился крепкий парень в камуфляже. Судя по знакам различия, сержант воздушно-десантных войск. Он читал какую-то детективную книжицу в мягкой обложке. Не то чтобы сержант любил подобную литературу, просто от безделья в чистом виде его клонило в сон. А спать на службе ему не полагалось. Его взгляд снова остановился на двух фигурах на берегу. Интересно, о чем полковник так долго разговаривает с этим кубинцем? Если, конечно, этот дядя – кубинец. Может, и не кубинец. Но похож. Впрочем, меньше знаешь – крепче спишь. И водитель снова уткнулся в книжку.

Но если бы сержант и мог слышать разговор, он все равно мало что понял бы. Уж очень странный для мирного Подмосковья разговор вели эти двое. Хотя и говорили по-русски.

– А ты уверен, что ЭТО до сих пор ТАМ?

– Уверен. О том, где именно ЭТО спрятано, знали лишь трое: я, ты и глухонемой индеец. Индейца нет в живых.

– А твои охранники?

– Во-первых, они тоже все погибли. А во-вторых, если помнишь, я им ничего не объяснял. Сказал только, что мне нужно кое-что спрятать. А это могло быть что угодно, золото, например. Оружие. Или компромат на Ортегу. А сами они даже тебя не видели, не то что ящик. Я уверен: те, кто устроил нападение на тот дом, ничего не нашли.

– Почему ты так думаешь? Ты так доверяешь своему информатору? Или сам видел?

– Я уже сказал: охрана ничего им подсказать не могла, потому что ничего и не знала. А информатор сообщил, что некоторых из них пытали, прежде чем добили. Значит, даже если эти же люди захватили индейца, они и от него ничего не узнали. Иначе зачем было допрашивать охранников?

– Ты уверен, что это были не простые бандиты?

– Уверен. От «простых» бандитов мои парни отбились бы. Или ты думаешь, что они только на кроликов охотиться умели? На их деревню не раз нападали, каждый с детства умел с оружием обращаться. Другое дело, что в армии никто из них не служил, тем более в спецназе. Так что только профессионалы могли уделать их прежде, чем на шум заявится полиция.

– Значит, ты думаешь, что утечка была наверху? – задумчиво протянул Туманов.

– Да, Мигель! – Мендоса энергично кивнул головой, подчеркивая уверенность в ответе. – Кто-то из знающих о самой операции и тех, кто отвечает за ее проведение. Но он не представлял, кто именно будет этим заниматься. Возможно, их люди просто отслеживали всех, кто пользовался доверием Ортеги. И они не знали, где именно мы собираемся ЭТО спрятать. Заметь, на дом напали не сразу, а через несколько дней. Наверное, проверяя меня, они смогли выяснить в моей деревне, что я позвал людей охранять дом в Гондурасе.

– И просто решили проверить вполне логичное предположение?

– Именно так. – Мендоса снова закивал.

– Что ж, это объясняет, – Туманов усмехнулся, – почему они просто не разобрали дом по кирпичику, а только обыскали. Они не были уверены. И это же объясняет, почему ты все еще жив.

– То есть? – удивился гость. Туманов усмехнулся снова:

– То есть, когда они ничего не нашли, то решили, что ты проводишь отвлекающую операцию. Или у тебя просто совсем другое задание. Я так думаю.

– Наверное, ты прав.

– Меня вот только одно смущает, – полковник нахмурился.

– Что же? – Хорхе удивился снова.

– Если все так хорошо, кто же тогда и почему устроил нам засаду на обратном пути?

– Помнишь, – медленно сказал Мендоса, – сколько раз от границы до засады мы проезжали через посты? Этого никто не проверял, но что, если их обзвонили из Манагуа и попросили сообщить о нашей машине? Не останавливать, не проверять, просто сообщить?

– Тогда понятно, почему нам позволили выбраться из джипа. Наверняка они думали взять нас живыми.

– Знаешь, Мигель, у меня тогда тоже сложилось такое впечатление. Особенно вначале, когда они нас никак не могли подстрелить, хотя патронов вроде бы не жалели...

Помолчали, глядя на воду. Наконец полковник сказал:

– Удивительно, что все начинается сначала. Если честно, я поначалу, ну, как только домой приехал, даже подумывал, что когда-нибудь придется туда вернуться. Но когда через год вы таки помирились с контрас, а в девяностом Ортега проиграл выборы, верить перестал. А потом у нас самих такое началось, что и не знаю, как в армии вообще остался...

– Что, хотел бизнесом заняться? – понимающе усмехнулся Хорхе, протягивая руку к бокалу.

– Да нет, – пожал плечами Туманов, – но мог оказаться в такой ситуации, когда это был бы единственный приемлемый выбор. Но, к счастью, даже самые горячие головы из наших реформаторов понимали, что без армии России не будет. Так что обошлось... Что до бизнеса, то туда хоть сам не собирался, но звали, и не раз. В охранный... Помнишь Ивана Ковалева? Был у нас такой майор на базе...

– Ковалев? Кажется, припоминаю. На Юла Бриннера в «Великолепной семерке» был похож, да?

– Точно. Так вот, он, когда Союз развалился, из армии ушел, так и не стал полковником. Начал простым телохранителем, а сейчас у него собственная охранная фирма в Питере. Президент компании. Вот он меня одно время к себе звал, и лично, и по телефону. Да и сейчас, бывает, предлагает вакансию в своем бизнесе. Готов даже заместителем взять. Но я едва подумаю, как его фирма порой обслуживает тех, кого я без раздумий пристрелил бы... – полковник помолчал, а потом вдруг выдал: – Честно говоря, когда я первый раз услышал, что Ортега опять победил на выборах, то что-то мне подсказало: та история нам всем еще аукнется. Вижу – не ошибся. Только что-то вы, друзья мои, долго собирались. Что ж до следующих выборов не подождали, раз не к спеху было?

– В общем-то, ты прав, но... Позволь тебя кое в чем поправить, Мигель. Ортега не просто постарел. Он изменился. Как и все мы. Все-таки двадцать лет прошло. Это уже не тот воинствующий марксист, который пожимал тебе руку в Манагуа в восемьдесят седьмом. Он теперь любит говорить, что того команданте больше нет, что бывший революционер-атеист превратился в католика-миротворца. Замечу, что нашему миротворцу, как и вашим лидерам, вовсе не хочется вспоминать о том, что во время его предыдущего правления Советский Союз иногда делал на территории Никарагуа вещи, не слишком совместимые с так называемыми международными нормами. А значит, вполне естественным и обоюдным будет желание и России, и Никарагуа припрятать свои старые грехи. Если это дерьмо всплывет, то гринго не преминут им

воспользоваться, чтобы устранить Ортегу и снова посадить в президентское кресло в Манагуа своего человека, и все это наверняка сильно аукнется парочке друзей нашего команданте. Я имею в виду Уго Чавеса и Фиделя Кастро. Их ведь тоже не слишком любят в Вашингтоне.

– Но ведь мы хорошо ЭТО спрятали?

– Кто-то организовал утечку информации. Возможно, тот же источник, что и в прошлый раз. Ортега привлек в свою команду очень многих из тех, кто с ним работал раньше. Не только меня. А кто знает, чем они занимались до его возвращения в «кресло номер один»? Уж точно никто из нас не сидел и не ждал, когда его позовут. Выживали кто как умел. А ваши теперь боятся, чтобы гринго не оценили информацию правильно и нас не опередили...

– А если гринго все-таки нас опередят?

– Как? – Мендоса со всей возможной категоричностью выразил свою уверенность в обратном. – Они пока лишь проверяют информацию, максимум – начали готовиться. Но даже в этом случае мы имеем в запасе не меньше недели. Ведь их данные неточны и неполны. К тому же гринго уже не могут действовать в Гондурасе так же свободно, как двадцать лет назад. Так что либо потеряют время на согласование всех мелочей с правительством в Тегусигальпе, либо будут действовать нелегально, то есть на тех же условиях, что и мы. А у нас есть твои коммандос, я же сам видел их в деле. Они справятся. Они уже готовы. У меня и сейчас есть люди в тех местах. Они тоже готовы. Есть поддержка начальства, и твоего, и моего. Что не так? Или ты мне просто не доверяешь?

– Как говорят у нас в России – «доверяй, но проверяй!».

– Но я же с вами пойду!

– На войне как на войне. Все может быть. Даже то, чего быть не может. Только никак не могу понять одного – зачем вам наше участие? Да еще такими силами? Ведь прошлый раз, помнится, мы справились втроем, если твоего водителя считать.

– Справились, говоришь? А засада? А нападение на дом, после того, как мы там побывали? Боюсь, нам тогда просто повезло. Забыл, что такое Латинская Америка? Знаешь, что будет, если мы сами попытаемся это провернуть? Мы еще не успеем вылететь из Манагуа, а по ту сторону границы уже обо всем узнают. Я же тебе сто раз говорил, у нас клановые связи ставят выше политических убеждений. У каждого третьего, если не второго, есть родственники во вражеском лагере. Причем любимые родственники или хотя бы уважаемые больше идеи или начальства. Кто-то обязательно проболтается, причем из самых лучших побуждений. И если хочешь, напомню еще раз – у дома, где мы ЭТО спрятали, новые хозяева. Уже много лет. И сейчас он хорошо охраняется. Нельзя просто прийти и забрать что-то, даже если это что-то – твое. А вообще, ты читал мой рапорт. Какие еще у тебя будут вопросы?

– Например, чем ты сам-то занимался эти двадцать лет?

Глава 4

Родная подмосковная Балашиха только просыпалась, когда Владимир, еще потягиваясь и зевая, но уже одетый, вышел из своей комнаты. Три дня отдыха пролетели незаметно. Впрочем, оно всегда так, если отдых не означает банальный дрых на диване у телевизора. Посмотрел на часы – да, скоро выезжать. Все-таки до базы – не пять минут пешком. Матери в ее комнате не было – она уже суетилась на шестиметровой кухоньке. О чем недвусмысленно свидетельствовали звуки и запахи, доносившиеся оттуда. Ясно, собирает сына в командировку, ни сном ни духом не подозревая, куда сын отправится в этот раз на самом деле. И чем там будет заниматься. Сейчас и самому-то трудно представить, что через неделю завтракать придется не дома и даже не в своей армейской столовой, а наверняка где-то в Америке, причем даже не в той, которую в новостях показывают каждый вечер, а в той, где негра встретить сложнее, чем в родном городе. Жаль, конечно, что приходится хранить все это в тайне от самого родного человека. Но мамино сердце лучше поберечь, она и так за время его срочной службы на Кавказе ночи не спала. Да и тогда, когда они на учениях в Индии были, а ей Владимир сказал, что на Каспий отправляют, вся испереживалась. На карте в валявшемся дома потрепанном «Малом атласе СССР» этот Каспий оказался в двух шагах от Чечни. Успокоил мать, называется. Если узнает, что сын в элитном спецназе ВДВ, не переживет. И так волнуется, что в армию опять пошел. Хорошо хоть, верит, что сын служит каптерщиком, хабэ и сапоги выдает.

А командировка, пусть мама думает, естественно, ни в какую не в Латинскую Америку, а как обычно во Владимирскую область. Только не на склады, а на полигон. Полигон во время учений – это надолго и всерьез, мобильная связь там практически не работает...

– Доброе утро, сынок, а я тебе уже пирожков в дорогу испекла, как раз такие, как ты в детстве любил! – От маминого всхлипа у Володи сердце рванулось вниз. В такие мгновения ему всегда хотелось все бросить и остаться. Только бы она не переживала так сильно.

– Спасибо. Да только нас там и так неплохо кормят. Может, не надо?

– Возьми, возьми, такого в армии не дают! Вот тебе еще носочки теплые, сама вязала...

– Спасибо, мам! Только я ведь не в Сибирь собираюсь.

– Ты хоть звони.

– Ма, ну не плачь! Я же во Владимирскую область еду, не в Индию. Если там мобильник не будет работать, я тогда с местной почты попробую позвонить. Обязательно.

– Обещаешь, сынок?

– Мам, ну что я, маленький, что ли? Я же знаю, что ты будешь волноваться. Конечно, будет возможность – позвоню. Ты только не плачь, ладно?

– Ладно, сынок, не буду. Да ты садись, поешь. Когда ведь еще домашнего покушаешь...

Володя с готовностью уселся за стол. И молодой организм требовал свои калории, и просто – любил он мамину готовку. Никакая столовая не сравнится, даже в их части.

Антонина Тимофеевна с любовью смотрела, как сын лихо управляется с домашней снедью.

Перехватив его взгляд, брошенный на часы, мать спросила:

– Что, уже пора?

– Пора, мама. Мне ведь еще в части до отъезда кучу дел переделать надо. Бумаги все оформить, дела передать. Да и машину там оставлю. Я же не на один день уезжаю. В части надежнее, ребята присмотрят. Чего тебе волноваться лишний раз?

– И то верно. Присмотрят. Валере привет передать не забудь, хороший он парень.

– Пока, мам!

Уже на улице он обернулся, почувствовав мамин взгляд. Так и есть, вон ее лицо в окне. Ведь так и будет смотреть, даже когда он скроется за углом. Он махнул маме рукой, бросил

сумку на сиденье, вздохнул и сел за руль не новой, но еще крепкой бежевой «Ауди». Права-то получил еще до срочной, а вот машиной обзавелся лишь три месяца назад. И уже начал сомневаться – а надо ли было? За все это время лишь пару раз выбрался с Татьяной на природу – выходные у контрактника и у студентки педагогического университета совпадали редко. Да еще маму свозил в деревню к двоюродной сестре. И все. «Сотка» больше стояла на территории части – иной раз в конце дня казалось, что до ворот базы сил не хватит доковылять, не то что машину вести. И он, не рискуя, ехал домой на автобусе.

Впрочем, была у Владимира одна задумка, для которой машина была бы кстати и о которой он пока никому не говорил. Чтобы не сорвалось. Хотелось ему вместе с матерью съездить к родственникам отца в Белоруссию. Сам он там побывал лишь однажды, да и то в двухлетнем возрасте. То есть ничего из той поездки не помнил. А потом отец погиб, а еще немного погодя нарисовались новые границы, и ездить в гости как-то сразу стало дорого и далеко. Так они с матерью больше и не собрались, несмотря на периодические приглашения от деда в открытках на Новый год и к дню рождения Вовки. Письма приходили еще реже – старик не любил их писать. Ему уже перевалило за семьдесят, и Владимир думал, что стоило бы проведать родню, не откладывая затею в долгий ящик – пока дед еще не жалуется на здоровье. Ему, пожалуй, тоже не стоит говорить, в каких войсках и кем на самом деле служит внук.

Хорошо, хоть не надо для малой сочинять сказки о том, где был, что делал. Они познакомились как раз во время первой его серьезной «командировки». В тот раз «Владимирская область» оказалась в горах Таджикистана... Плохо, что даже просто побыть вместе удается нечасто – общение сводится в основном к недолгим разговорам по мобильнику да эсэмэскам. Вот и теперь – перед «командировкой» дали три дня на отдых, а у Танюхи очередная запарка в учебном процессе, даром что отличница. Оставалось только догадываться, какой ценой она целый день смогла для него выкроить... И вчера у Татьяны был такой грустный голос, когда он позвонил ей и сказал, что уезжает на пару недель. Конечно, она сразу поняла, куда может отбыть контрактник на такой срок... Как долго она еще выдержит? Владимир вздохнул, повернул ключ в замке зажигания и плавно тронулся с места, выруливая из двора на шоссе Энтузиастов. Включил «дворники» – начинался дождь. В новостях вчера говорили, ТАМ тоже сейчас дожди. Локис усмехнулся. «А вот зонтик-то я и не взял...»

Глава 5

В центре спрятавшегося в предгорьях небольшого городка Вауплайя сегодня было шумно. Как-никак, базарный день. На главной и единственной площади возвышалась католическая церковь времен испанского владычества, из нее неспешно выходили люди – служба только что закончилась. Среди благопристойных прихожан мелькали оборванцы в живописных лохмотьях. На противоположной от церкви стороне, точнее, на отсеченной главной улицей части площади, раскинулся небольшой, но воистину универсальный рынок. Там можно было найти все, что угодно: от местных фруктов до китайской электроники. Причем за очень небольшие деньги. Поскольку большие деньги у местных жителей не водились. На краю рынка прямо с машин крестьяне продавали плоды своего труда. С одного из грузовичков торговали двое: невысокий пожилой мужчина в сомбреро и девушка лет семнадцати, судя по всему, его дочь. Собственно, всей торговлей занималась девушка: зазывала покупателей, торговалась с ними, вручала купленные фрукты. Отец лишь иногда передавал товар из той части кузова, куда она не могла дотянуться. По большей части он с важным видом молча оглядывался по сторонам. Сегодня здесь было более шумно, чем обычно. Вокруг, не только на рынке, царило радостное возбуждение: бродивший по округе уже не первую неделю слух о том, что в Вауплайе открывается миссия Армии спасения, наконец подтвердился. Чумазые дети, бегавшие среди лотков, с неподдельным восторгом вопили: «Приехали! Приехали!» Уяснив, что за шум поднялся вокруг, дочь, быстро жестикулируя, принялась объяснять отцу, что случилось. Когда тот понял, в чем дело, то заулыбался – благотворительную халяву любят везде, не только в Латинской Америке. Они, как и многие соседи, свернули торговлю – все равно большую часть товара уже продали – и направились на окраину городка. Действительно, на пустыре, недалеко от переходящей в загородную дорогу главной улицы, стояло несколько больших грузовых «Мерседесов», имевших на тентах и дверцах кабин эмблему Армии спасения – ярко-красный геральдический щит с фигурными вырезами по бокам и белой надписью по диагонали. Из грузовиков уже разгружали какие-то коробки, ящики и тюки. Дымились армейские полевые кухни, готовилась благотворительная похлебка, за которой уже строились в очередь бедняки. Чуть в сторонке полным ходом шла такая же бесплатная раздача одежды секонд-хенд, презервативов, шоколадок и всякой мелочи. Всем этим занимались люди в джинсах и майках с той же эмблемой на груди. Все – гринго, большинство – женщины. Были среди них и мужчины, но они в основном занимались разгрузкой и установкой палаток. Похоже, миссия собиралась обосноваться здесь всерьез. Упорядочением всего этого дела верховодила поджарая, как гончая собака, строгая пожилая дама с некрасивым лицом, натуральная грымза. Выделялась она в толпе как своим высоким ростом, так и тем, что практически стояла на одном месте, в отличие от своих людей, сновавших туда-сюда. Тем не менее она успевала следить за всем этим безобразием и своевременно раздавать толковые указания, которые незамедлительно исполнялись. Похоже, грымза знала свое дело. Хаос на пустыре стремительно приобретал все более упорядоченный вид. При этом она успевала заниматься и другими делами. Например, разговаривать по спутниковому телефону или общаться с кем-нибудь из местных. Торговец в сомбреро и его дочь, оставив торговлю на потом, влились в толпу охотников за желанной халявой. Подкрепившись похлебкой, очень даже вкусной (по сравнению с приевшимися бобами почти без соли), они решили еще побродить среди людей, от одной очереди за чем-нибудь дармовым до другой. Вернее, решила дочь, отец лишь не возражал. Число полученных от миссионеров подарков в руках у девушки и старика постепенно росло, заполняя прочные пластиковые пакеты, которые здесь тоже раздавали бесплатно. Оба они довольно улыбались и возвращаться к своему грузовичку не спешили.

Торговец, который помнил о простоте здешних нравов и о том, что в кузове грузовичка еще остался нераспроданный товар, старался все же не терять из виду свою старушку «Тойоту» и не отходил от нее слишком далеко. И вдруг он, высматривая в толпе дочь, увидел грымзу. Что было немудрено, поскольку ее и старика разделяло не больше двадцати шагов. Грымза, повернув к торговцу свой суровый профиль, довольно учтиво беседовала с немолодым смуглым мужчиной в пончо и широкополой шляпе. Хотя мало-мальски внимательный зритель заметил бы, что предложенная собеседником тема даме не слишком интересна. Торговец замер, уставившись на грымзу широко раскрытыми от ужаса глазами. Дама, что-то почувствовав, скользнула по старику в сомбреро ничего не выражающим взглядом, но тот уже наклонился, спрятав лицо под широкими полями своей шляпы. Собеседник грымзы, проследив за ее взглядом, тоже посмотрел сквозь торговца и вернулся к разговору. Едва они отвернулись, старик в сомбреро схватил подошедшую к нему дочь за руку, жестами призывая ее немедленно уехать. Девушка начала возражать. Не для того она сюда пришла, чтобы сразу же возвращаться. Старик, еще ниже натянув сомбреро на глаза, попытался силой дотащить дочь до грузовичка. Но та выскользнула, твердо намереваясь остаться. На них уже начали оглядываться, и торговец вынужден был отступиться. Грымза еще раз взглянула в его сторону, на этот раз с гримасой недовольства. Дочь нырнула в толпу, а торговец, нервно озираясь, вернулся к своей древней «Тойоте». С третьей или четвертой попытки завел мотор и вырулил на дорогу, уходящую из города. Он уже не видел еще одного взгляда грымзы, брошенного вслед его машине. Взгляд был тревожно-озадаченный. Будто она пыталась вспомнить что-то важное и, скорее всего, неприятное, связанное с этим человеком.

Дребезжа и громыхая, грузовичок взбирался на подъем. Мотор надсадно завывал. Словно мечтал уже не о бесполезном ремонте, а о тихом местечке на свалке. Пустые ящики из-под фруктов бодро громыхали в кузове. Впереди уже показался мост, переброшенный через каньон в самом узком его месте. Старик бросил взгляд в сторону горы, зеленой до самой макушки, туда, где шумел невидимый пока водопад. У подножия горы возвышалось приметное двухэтажное здание с башней, окруженное высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху. В заборе были видны проломы, как паутиной затянутые все той же колючкой, которая поблескивала на солнце. Рядом с воротами маячила ржавая железная вышка, по всей вероятности, предназначенная для часового, но на ней сейчас никого не было видно. Повинуясь какому-то импульсу, торговец притормозил, вышел из машины и долго смотрел на дом, опершись на теплый капот. В городе, да и окрестных поселках это место уже давно пользовалось дурной славой, и местные жители старались держаться от него подальше. Старик вздрогнул, неслышно шевеля губами, и обернулся назад. Отсюда еще был виден краешек пустыря, облюбованного миссией Армии спасения. Во взгляде его боролись любовь к дочери и плохо скрываемый ужас. Страх победил. Старик неожиданно легко, словно юноша, впрыгнул за руль, захлопнул дверь и нажал на газ. «Тойота» чихнула раз-другой, вздрогнула и, медленно набирая скорость, покатила к мосту.

Глава 6

Аэропорт в Манагуа и в лучшие свои времена, если таковые имелись в его довольно длинной истории, не относился к числу перегруженных воздушных портов. Да и сейчас на летном поле стояло лишь десятка полтора разнокалиберных самолетиков, в основном винтовых и не слишком современных. Среди них затесался даже легендарный «Дуглас-третий», правда, послевоенного выпуска. Еще выделялись изящная белая «Сессна» с красным крестом, местная «Скорая помощь», и видавший виды двухмоторный транспортник «Ан-26», когда-то доставшийся никарагуанским ВВС в порядке помощи от Советского Союза. Впрочем, сейчас он явно ни к каким ВВС не относился, поскольку был раскрашен в цвета какой-то частной авиакомпании. На краю поля стоял еще один ветеран военно-транспортной авиации, размалеванный похожим образом, американский «С-123» «Провайдер». История умалчивала, какими путями эта машина, разработанная полвека назад для ВВС США русским конструктором Михаилом Струковым, попала в Никарагуа. Но, скорее всего, не через третьи и даже не через четвертые руки.

Из-за старого здания аэропорта с неизменной диспетчерской вышкой неторопливо выкатился длинный автобус цвета хаки с большими буквами «Форд» на решетке радиатора – на таких, только желтых в черную полоску, в Штатах обычно возят школьников. Автобус проехал по краю поля и свернул к «Провайдеру». Подъехав вплотную к самолету, он остановился между транспортником и зданием аэропорта. Из автобуса быстро, но без лишней толкотни посыпались пассажиры. Издалека по одежде их можно было принять за туристов. Правда, при этом ни у кого из мужчин не было в руках фотоаппарата или видеокамеры. Случайного свидетеля смутило бы также отсутствие в этой «туристической группе» женщин, а также то, что большинству весьма спортивных на вид «туристов» было не больше тридцати. Да еще то, что раскраска автобуса и кое-какие надписи на борту выдавали его принадлежность к местным вооруженным силам. Но автобус надежно скрывал от возможных зевак выстроившихся перед самолетом десантников. Командир, опершись на косяк автобусной двери, говорил с кем-то по спутниковому телефону. «Наверное, с этим своим местным другом», – подумал Локис, уловив испанскую речь. Потом оглянулся на самолет и подивился, как переменчива судьба. В каком-то журнале ему довелось читать, что с помощью именно таких машин в восьмидесятые американцы снабжали по воздуху контрас, воевавших с сандинистами в Никарагуа. А теперь такой самолет забросит русских десантников по обратному маршруту из Никарагуа в Гондурас. Случается же такое... Наконец командир закончил разговор, спрятал спутниковый телефон и вышел из автобуса. Десантники напряглись – наступило время для последнего инструктажа. Их охватило легкое возбуждение. Им и так пришлось провести несколько дней на военной базе под Манагуа, чтобы привыкнуть к местному климату и девятичасовой разнице во времени с Москвой. И лишь там им сказали, в какой именно стране пройдет предстоящая операция. До этого они знали только, что промежуточной точкой маршрута станет Никарагуа. И гадали, куда двинутся дальше – Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Белиз, Коста-Рика или Панама... Командир прошелся перед строем:

– Ставлю задачу. Первое. Десантируемся в заданном квадрате. Самолет подлетит на малой высоте, так, чтобы его не было видно со стороны объекта. Гора нас прикроет, к тому же к точке выброски подойдем уже в сумерках. Радаров там нет в радиусе полусотни километров. Второе – собраться в одном месте. Карту и фотографии видели все. Для тех, кто отстанет, место сбора – у водопада. Третье – взять штурмом объект. Четвертое – ожидать дальнейших приказов. Долго ждать не придется, можете не волноваться. Надеюсь, все выспались, потому что лететь не слишком далеко, в самолете надавить на массу не получится. На объекте тоже

задерживаться не будем. В чем дело, капитан? – Туманов повернулся к пилоту, который с озабоченным видом высунулся из двери в борту самолета.

– Метеосводка неблагоприятная, товарищ полковник.

– Что-то серьезное?

– Со стороны Карибского моря идет циклон. Можем не успеть.

Командир посмотрел на часы:

– Должны успеть... Откладывать нельзя. Нам и так наступают на пятки...

Полковник повернулся к остальным:

– Вопросы есть?

Владимир шагнул вперед:

– Так точно, есть. А как же ваш друг? Он не летит с нами?

– Нет. Мой друг уже на месте. Больше вопросов нет? Тогда все – в самолет. Переодеться в американскую форму и надеть парашюты...

Командир, уже в камуфляже, заглянул в пилотскую кабину:

– Давай, капитан, заводи.

Тот кивнул, длинные черные лопасти винтов начали раскручиваться, резво набирая обороты. Меньше чем через полминуты они слились в прозрачные круги. Когда моторы вышли на взлетный режим, разговаривать в грузовом отсеке стало трудно. Но Петренко все же подмигнул сидевшему напротив Локису:

– Смотри, Вовка, кольца не перепутай!

Снайпер, который возился со снаряжением, не дослышав и не уловив подвоха, переспросил:

– Что не перепутать? Какие кольца?

– Гранату с парашютом, – в отличие от снайпера остальные расслышали. Взрыв хохота на секунду заглушил рев двигателей.

– Ох, договоришься, – Володя беззлобно погрозил другу. А тот не унимался:

– Знаете анекдот про английского десантника? – и не дожидаясь ответа, начал рассказывать: – Значит, летит он первый раз на вертолете. Только взлетели, а он уже к пилотам стучится. Нельзя ли, говорит, выключить этот вентилятор наверху? А то, говорит, очень шумит, разговаривать невозможно. К тому же дует сильно, простудиться боюсь.

Последовал новый взрыв смеха. Пока Петренко вспоминал еще какой-нибудь анекдот «в тему», Локис повернулся к полковнику:

– Товарищ командир, вот вы знаете испанский... Может, скажете, почему эту страну назвали Гондурасом? Или это не переводится?

Туманов удивился вопросу, но все же ответил:

– Знаю, Локис, но за достоверность истории не ручаюсь. Как говорится, за сколько купил, за столько и продаю. Все слышали, кто такой Христофор Колумб? Правильно, тот самый мужик, который открыл Америку. После того как он ее открыл, он приплывал в Америку еще три раза. Так вот, есть легенда, что, когда в 1502 году Колумб плыл сюда в последний, четвертый раз, его корабль попал в очень сильную бурю. И когда он наконец оказался на берегу и поверил, что спасся, он сказал: «Грасиас а Диос ке эмос салидо де эстас гондурас», что по-русски означает: «Благодарю бога, что нам удалось выбраться из этих глубин». Мыс, возле которого высадился Колумб, потом так и назвали – Кабо-Грасиас-а-Диос. Мыс благодарения богу. Лет через сто, вспоминая эту фразу великого мореплавателя, местность на запад от этого мыса стали называть Гондурасом, а потом название дошло до Тихоокеанского побережья и целой стране впору пришлось. Так что последнее слово Колумбовой фразы тоже пригодилось, как видите. Конечно, странно, когда страну «глубинами» называют. Хотя, если честно, по меркам Америки Гондурас и есть глубинка. Вроде какого-нибудь нашего Урюпинска. Ничего особенного тут нет. Горы, леса, болота, два океана. Правда, места красивые. Промышленности

практически нет. Так что государственный бюджет им туристы обеспечивают и рыбаки... – тут полковник понял, что ушел сильно в сторону от вопроса о названиях, и вернулся к прежней теме: – Ну, а потом по названию того мыса поименовали департамент – по-нашему, область, в Гондурасе. Между прочим, наш объект как раз в департаменте Грасиас-а-Диос. Ну что, Локис, я ответил на твой вопрос?

– Да, товарищ полковник, – на лице Владимира мелькнуло легкое удивление. Он ожидал всего лишь односложный ответ на такой же простой вопрос. Типа «Гондурас» переводится как «глубины». А получил небольшую, но интересную лекцию. Жалко, что записать не на чем.

– Ну, и слава богу.

Десантники устраивались поудобнее в просторной утробе транспортника, рассчитанной на вчетверо большее количество парашютистов. «Провайдер» лениво вырулил на полосу, дождался разрешения диспетчера на взлет и рванулся в начавшее уже темнеть небо.

Глава 7

В конце концов все рано или поздно заканчивается. Спустя несколько часов радостный ажиотаж, связанный с появлением в городе волонтеров из Армии спасения, стал затихать. Все, кого сюда пригнало любопытство, начали расходиться. Дочь торговца тоже засобиралась домой, тем более что дело шло к вечеру, небо затянуло тучами и начал накрапывать дождь. А пластиковый пакет с изображением красного щита, в который она складывала свои сегодняшние приобретения, уже ощутимо оттягивал руку. Девушка с грустью взглянула на небо – похоже, солнца сегодня уже не будет. И завтра тоже. И хорошо, если все только дождем и ограничится. Утром, когда они ехали в город, синоптик из приемника в отцовском грузовичке что-то вещал о циклоне, идущем с Карибского моря. Если синоптик не ошибся, то ей предстояло изрядно вымокнуть. Впрочем, не впервой...

Марии сильно повезло – знакомый торговец из соседней деревни задержался сегодня в городе дольше нее, он и подвез девушку до развилки. Жаль, конечно, что не до самого поселка. Но и на том спасибо – иначе пешком пришлось бы идти не два, а все двенадцать километров. Если, конечно, местным километровым столбам можно верить. Когда Мария прошла половину пути от развилки до поселка, из-за поворота показался «Лендровер» с жестким верхом. На заляпанной грязью водительской дверце угадывалась эмблема Армии спасения. Но поскольку джип ехал из поселка, ехал к тому же медленно и довольно тихо, она, занятая своими мыслями, не обратила на него никакого внимания. Разве что запомнила сам факт того, что мимо проехала какая-то машина. Девушка очень надеялась, что отец уже успокоился и не будет ругать ее за то, что она так задержалась. Наконец из-за поворота показались первые хибары родного поселка. Дождь тем временем превратился в настоящий ливень. Когда промокшая насквозь Мария подошла ближе к своему дому, у нее отлегло от сердца – отцовский грузовичок стоял на своем обычном месте во дворе. Правда, подойдя ближе, она заметила, что ящики с так и не распроданными остатками товара почему-то все еще стоят в кузове, как и пустые ящики, пакет с подарками Армии спасения валяется в кабине. Это выглядело немного странно, учитывая, что прошло уже несколько часов, как отец уехал из города – обычно он сразу все тщательно убирал, даже если в этом не было большой необходимости. Так тщательно, что никаких следов не оставалось, даже можно было подумать, что ничего и не было вовсе. Хотя, по большому счету, это ничего не значило. Главное, что сам грузовик на месте. «Значит, отец наверняка дома», – подумала девушка. Мария толкнула дверь, которая оказалась не запертой, и вошла в дом. Внутри было темно и тихо. Наверное, отец спит. А может, возится с чем-нибудь в сарайчике позади дома или пошел к кому-нибудь. Хотя нет, тогда бы он закрыл дом. Увесистый пакет, уже отрывавший ей пальцы, она с облегчением поставила на пол сразу у двери и шагнула в сторону, протягивая руки вперед и вверх. Где-то там должна быть полка, а на ней обычно лежат свеча и спички. Или зажигалка. Шарить по стене в поисках выключателя не стоило – на улице, несмотря на дождь и тучи, было еще довольно светло, электрический свет в поселке должны дать лишь через час или полтора. Для точного ответа требовалось взглянуть на часы. Мария сделала еще шаг и чуть не со всего маху врезалась ботинком в опрокинутый стул.

Стул с грохотом отлетел, она отшатнулась, едва не упав. Тут же под ногами что-то хрустнуло. Девушка замерла, но ничто больше не нарушало тишину. Выждав еще немного, она двинулась к прежней цели. Нащупав на полке зажигалку, Мария чиркнула колесиком. Не бог весть какой светильник, но все же. К счастью, рядом на полке обнаружилась свеча, и девушка немедленно ее зажгла. Когда свет озарил комнату, она испуганно вскрикнула и едва не выронила зажженную свечу – в передней комнате, служившей им с отцом прихожей и кухней, ничего не осталось на своих местах – все было сдвинуто, перевернуто, а то и вовсе поломано. Здесь явно побывал кто-то чужой, и вряд ли это был друг. Пульс девушки резко участился.

– Отец! – Мария в страхе бросилась в другую комнату. Дверь с легким скрипом распахнулась, и дочь торговца замерла на пороге. Сочившийся из-за занавесок тусклый свет начинавшихся сумерек позволял и без свечи видеть, что и здесь царит такой же разгром и хаос.

Разбросанные вещи, перевернутая мебель... В центре комнаты на стуле сидел человек, запрокинув голову назад. Судя по всему, он был крепко привязан к стулу. Страшное предчувствие охватило девушку. Но она все же сделала несколько шагов вперед на деревенеющих от ужаса ногах. Несмотря на слабое освещение, Мария уже узнала одежду. Гардероб отца был не так уж богат. В этой светлой куртке с вышитыми узорами он всегда ездил на рынок. Но сейчас одежда оказалась разорвана и заляпана кровью. На полу тоже была кровь, и много. Мария, сделав над собой немалое усилие, сделала еще шаг и дрожащей рукой поднесла свечу к лицу человека на стуле. Она увидела застывшее лицо в шрамах и кровоподтеках, искаженное жуткой гримасой. Лицо отца. Девушка дрожащей рукой дотронулась до виска старика. Кожа на виске была липкой от крови и очень холодной. Дева Мария, он не шевелится. Отец умер? О, господи! Умер!

Осознание этого жуткого факта отняло у нее последние капли мужества. С диким криком «Убили!!!» она выронила свечу, по счастью упавшую в какую-то липкую лужицу на полу и тут же потухшую, и выбежала из дома. Ноги сами понесли ее к дому священника.

Отец Антонио не был человеком глупым или бездушным. Он, как мог, успокоил девушку. А когда понял, ЧТО она пытается ему сказать, вместе с ней пошел, точнее, почти побежал к старосте поселка, или, как здесь говорили, алькальду. Благо тот жил всего за три дома от церкви. Староста, в свою очередь, вызвал полицейского, жившего в поселке. По дороге к ним, несмотря на непрекращающийся дождь, присоединились несколько любопытных односельчан. Не прошло и пятнадцати минут, как встревоженная процессия во главе с алькальдом подошла к дому, где, по словам Марии, находился труп ее отца. У ворот полицейский, зябко поежившись, остановил процессию:

– Подождите здесь. Если там действительно произошло убийство, то туда нельзя всем заходить. Я пойду посмотрю, что там случилось... Хотя нет, сеньор алькальд, и вы, святой отец, давайте вместе. Лучше все же, когда со свидетелями.

Алькальд, придерживая капюшон дождевика, вошел в дом вслед за полицейским. Он, конечно, не горел желанием полюбоваться на мертвого старика, если тот и в самом деле умер, но и стоять под проливным дождем тоже не хотел. По-настоящему от дождя защищает только крыша. Священник нерешительно последовал за ними. Мария и остальные напряженно ждали их возвращения. Вдруг дверь распахнулась, и первым вышел полицейский. Он выключил фонарь и шагнул с невысокого крыльца в сторону, освобождая путь старосте и священнику. Лица всех троих были озадаченными.

– Там никого нет, – удивленно сказал страж порядка, – полный разгром, конечно, это правда. Кто-то от души покуролесил, наверное, что-то искали. И пятна крови на полу есть. Это кровь, я точно знаю. Там много крови. Но твоего отца, – он повернулся к Марии, – там нет.

– Как это нет?! – вскрикнула девушка, которая держалась из последних сил, чтобы не сорваться в истерику: – Я же сама видела! Он там был! Привязанный к стулу! В разорванной одежде! Весь в крови! Холодный! И не шевелился!

Алькальд пожал плечами, поправил капюшон дождевика и бросил полицейскому:

– Педро, поговори с соседями. Может, кто видел чего. Потом зайдешь ко мне, позвонишь в город.

Полицейский кивнул – единственный телефон в поселке был в доме старосты – и повернулся к не успевшим разбежаться зевакам. Он поговорил и с ними, и с теми соседями, кто так и не высунулся на улицу под дождь, несмотря на шум.

Девушку увел с собой алькальд, разумно полагая, что лучше ей не ночевать в разгромленном доме. Тем более если старика действительно убили. Староста хорошо знал Марию,

приходясь дальним родственником ее покойной матери, и знал, что девушка не склонна к глупым фантазиям. Если она так говорит, значит, что-то такое она и в самом деле видела. Хотя не исключено, что ей все-таки показалось. В любом случае, решил староста, пусть там сначала все посмотрят полицейские из города. Может, найдут чего-нибудь, что они с Педро не заметили. Наверняка найдут – ведь они ничего не трогали и свет не зажигали, если не считать фонарика, имевшегося у Педро. Значит, могли чего-то не заметить. В любом случае, хуже не будет. Тем более что так по закону положено.

Не прошло и часа, как в дом алькальда пришел Педро. Сняв дождевик, он сокрушенно помотал головой: «ничего». Никто из соседей даже не видел, чтобы отец Марии возвращался домой. Педро выпил предложенного женой алькальда горячего чаю и уселся к телефону, звонить в участок.

Глава 8

Командир группы посмотрел на часы – по времени самолет уже должен пересечь границу – и бросил взгляд в иллюминатор. Но сейчас его волновало не это. Похоже, опасения пилота, высказанные им перед вылетом, начинали сбываться, причем самым худшим образом. Мелкий дождик, начавшийся вскоре после взлета, постепенно перешел в настоящий тропический ливень с грозой. Почерневшее небо все чаще прочеркивали голубые зигзаги молний, при этом паузы между вспышками и раскатами грома становились все короче. Самолет явно приближался к эпицентру грозы.

Командир пробрался в пилотскую кабину:

– Ну что, капитан, прогноз сбывается? Это и есть твой циклон?

– Хуже, товарищ полковник, – пилот отвечал, не отрывая взгляда от приборов. Второй пилот, никарагуанец, и вовсе не отреагировал на появление командира в кабине.

– А что может быть хуже?

– Циклон пришел раньше, чем говорилось в метеосводке. Только это еще не циклон. Это его край. А сам он, похоже, такой, что наверняка ему дадут какое-нибудь имя.

– Сможем проскочить? – Самолет тряхнуло так, что Туманов еле удержался на ногах.

Пилот отрицательно мотнул головой:

– Нет. Циклон накроет нас в любом случае. Может, стоило бы подняться повыше, чтобы нас ненароком не приложило о землю. Но, боюсь, это мало поможет. У этой птички потолок только восемь километров. А циклон, похоже, выше поднимется.

– Ясно. Сколько еще до цели?

– Минут двадцать, если ничего не случится, – пилот снова уставился в приборы.

Командир вернулся к десантникам и, перекрывая надсадный гул моторов, прокричал:

– Проверить парашюты и снаряжение. Сами видите, погода портится. Может, придется прыгать раньше.

Молнии за иллюминатором полыхали с регулярностью, достойной лучшего применения. Следом за вспышками громыхало, причем все громче и ближе. Вдруг самолет тряхнуло особенно сильно и все почувствовали, что в звуке двигателей что-то изменилось, при этом транспортник качнуло и ощутимо повело в сторону. Пилот прокричал возникшему в дверном проеме Туманову:

– Командир, правый двигатель сдох! Левый перегревается, долго не выдержит! Мы теряем высоту, можем не дотянуть!

– Ты же сказал, что все проверил перед вылетом!

– Командир, а еще я говорил, что этот летающий вагон старше вас! Он уже два капремонта пережил!

– Сколько еще лететь?

– Километров тридцать-сорок, если дотянем!

Полковник раздумывал недолго:

– Открывай рампу! Будем прыгать сейчас!

У десантников стало закладывать уши – началась разгерметизация грузовой кабины. Пол под ногами заходил ходуном. Командир повернулся к группе:

– Приготовиться к десантированию! Основной пункт сбора – место приземления командира, запасной – водопад к западу от объекта. Внизу, вероятно, вода. Как вариант – лес или болото. Локис – первый, Петренко – второй...

Туманов продолжал громко называть фамилии. Десантники подошли к краю рампы, выстраиваясь в названном порядке. Створки грузового люка ушли в стороны, под шипение

гидравлики рампа постепенно опустилась вниз. Прошло еще немного времени, и вот уже у ног спецназовцев распахнулся зияющий квадрат, открывая темную влажную бездну.

– Первый пошел!..

Локис сгруппировался и шагнул левой ногой в сотканную из дождевых потоков темноту, оттолкнувшись правой от края рампы.

Владимир не успел досчитать и до десяти, когда следующий разряд догнал удаляющийся самолет. Вспышка и раскат грома были такой силы, что не успевший зажмуриться Локис на несколько секунд практически ослеп и оглох. Пытаться разглядеть, что происходит с самолетом, было уже некогда. Вспышки молний высвечивали и быстро приближавшуюся землю. Не очень-то доверяя глазам, он не стал ждать, когда сработает автоматика, и рванул кольцо. Володю тряхнуло, словно чья-то могучая рука поймала его за шиворот. Локис бросил взгляд на купол, потом поискал глазами остальных. Чуть выше и в стороне виднелся парашют Петренко, через секунду вспышка молнии высветила и самого сапера. Оставалось лишь надеяться, что остальные успели десантироваться. Во всяком случае, ни звука взрыва, ни вспышки он пока не заметил.

А через пару секунд Локис понял, что ошибся с оценкой высоты, и поторопился дернуть кольцо. Сильный порыв ветра ухватился за купол его парашюта и поволок в сторону того, что дома он рискнул бы назвать опушкой леса. Володя почти молился о том, чтобы успеть спуститься до того, как ветер дотащит его до высоких деревьев.

Его молитва была услышана. Купол вдруг провалился в какую-то воздушную «яму» и, потеряв горизонтальную скорость, заметно прибавил в снижении. Отработанная до уровня рефлекса еще во время срочной службы установка «ступни и коленки вместе, ноги полусогнуты» сделала свое дело – ноги сами приняли нужное положение.

Еще толком ничего не видя, десантник ухнул по горло в болотную жижу, из которой вроде бы ничего не торчало. Но едва подошвы ботинок коснулись вязкого дна, как вдруг натянувшиеся стропы рванули его вверх и назад. И тут же его грубо тормознул ремень винтовки, сумевший крепко зацепиться за что-то под водой. Не ожидавший такого подвоха от собственного оружия, Локис погрузился с головой. Выбор был невелик – захлебнуться в мутной воде или остаться без винтовки. Но выбирать не пришлось – ремень вдруг перестал давить на плечо присевшего от рывка десантника, и он, тут же вылетев из воды, плюхнулся спиной на край небольшого островка. Локис, чувствуя, что стропы все еще натянуты, не теряя ни секунды, вытащил острый как бритва стропорез и отхватил им парашютные лямки. Те мгновенно рванулись вверх. Ветер тут же подхватил освободившийся купол и сорвал его с дерева. Через секунду белое пятно растворилось в черном небе. Окинув взглядом место своего приземления, он понял, что ему здорово повезло, – в падении Володя пролетел рядом с деревом, голые высохшие ветви которого торчали главным образом вверх, напоминая вилы. Зато купол за эти вилы зацепился, но выдержал. Ствол дерева согнулся как пружина, амортизируя падение десантника, а затем даже выдернул его из трясины и уложил на островок. Тут десантнику повезло второй раз – будь он полегче или стропы покороче, или не придержи его злосчастная коряга, «деревце» вполне могло бы его не только вытащить, но еще и об ствол приложить.

«Где все остальные?» – первым делом подумал Локис, освободившись от парашюта, и увидел метрах в двухстах медленно оседающий белый купол. Это мог быть только Петренко, прыгавший вслед за ним. Похоже, саперу больше повезло с местом приземления. Он поискал глазами парашюты остальных, но других куполов видно не было. Неужели больше никто не успел прыгнуть? Дождь продолжал хлестать как из ведра. Локис посмотрел на мутно блестящую поверхность воды, усеянную плавающим мусором, – судя по всему, шансов извлечь винтовку со дна у него не было. Он вытащил из рюкзака оптический прицел, с сомнением подержал в руках и засунул обратно: глядишь, еще пригодится. Следом отправились запасные обоймы к «снайперке», лежавшие в нагрудных карманах и сейчас абсолютно бесполезные.

Локис еще раз запустил руку в недра рюкзака и извлек оттуда 9-миллиметровую «беретту». Хорошо, сумел уговорить командира выделить ему эту «игрушку». Плохо, что как к «вторичной огневой системе» – к пистолету имелась лишь одна запасная обойма. Отложив оружие, проверил остальное снаряжение – слава богу, вроде больше ничего не утопил и не разбил. Если не считать GPS-навигатора – приборчик, похоже, нахлебался водички. Но, в отличие от хозяина, с летальным исходом. После этого Володя с опаской включил рацию – фу-ух, работает. То есть устойчиво ловит статический треск грозовых разрядов. Жалко, маломощная, только для связи внутри группы. Радиус устойчивой связи даже в чистом поле в хорошую погоду не больше километра. А здесь и ураган, и высокие деревья... Самолет, если уж не рухнул сразу, наверняка вышел далеко за пределы ее зоны действия. Ладно, связь проверим потом, подумал Володя. Пора идти за Сашкой.

Локис вырезал стропорезом из торчащего поблизости деревца длинный шест – наугад по болоту не ходят даже танки. Прощупывая шестом теплую темную жижу, он, подняв повыше руку с пистолетом, двинулся туда, где сквозь заросли белел парашютный шелк.

Эти двести метров Локис шел добрых полчаса, где по колено, а где и по пояс в мутной воде. Наконец, когда до белесого пятна осталось шагов двадцать, из зарослей донесся напряженный шепот:

– Вовка? Медведь, ты?

– Я, Сашка.

Когда Локис добрел до островка вроде того, на который приземлился сам, только повыше и пошире, Петренко показался из зарослей и протянул руку:

– Давай, Медведь, выбирайся на сушу. Ты у нас все-таки зверь не болотный.

Из Сашкиного парашюта по-быстрому соорудили простенький навес. Конечно, высохнуть не стоило и мечтать, но хоть за шиворот не льет, можно передохнуть. К счастью, здешние дожди теплые. Локис снова включил рацию. Перебрал позывные всех членов группы на разных частотах – но из наушников слышалось только монотонное шипение, перебиваемое треском разрядов. Ни командир, ни кто-нибудь из парней не отвечали. Вода тем временем поднялась так, что островок уменьшился вдвое.

– Я смотрю, ты без винтовки остался? – осторожно полюбопытствовал сапер.

– Ага, – кивнул Локис с расстроенным видом. – Утопил. Не то бы она меня утопила. Как чувствовал, перед заброской командира на пистолет раскрутил. Плохо только, что к нему всего две обоймы. Гранаты на месте, как видишь. А ты сам-то ничего не посеял?

– Да нет вроде. Пока. Не расстраивайся так. – Петренко утешительно похлопал его по руке. – Руки, ноги, голова целы? Значит, десантник опасен для окружающих. Как говорил один умный человек, иногда оружие может помешать солдату выполнить боевую задачу.

– Сам придумал? – Локис не удержался от смеха.

– Нет, наш комбат в учебке любил так говорить. Ну что, Вовка, что делать будем?

– Найдем место повыше да посуше и переждем до утра. Может, хоть дождь кончится. Хотя это вряд ли...

– А потом?

– Приказа, старшина, никто не отменял – двинемся в заданный квадрат. Там посмотрим. Достань-ка джи-пи-эс, посмотри, где мы.

– А твой что?

– Мой, кажется, захлебнулся. Я ведь при посадке с головой ухнул, хорошо еще, что не глубже.

Сапер извлек из нагрудного кармана GPS-навигатор, включил:

– Смотри-ка, работает. Ага, до нужной точки – примерно тридцать километров...

Глава 9

...После удара молнии самолет доживал последние минуты. От рокового разряда и второй двигатель, еще работавший, зачихал и задымился. Десантироваться не получилось – «Провайдер» стремительно терял высоту, раскачиваясь из стороны в сторону и с носа на корму и рывками проваливаясь вниз. Вставших у края рампы десантников, готовых прыгать, швырнуло внутрь. Теперь оставлять самолет было опасно – слишком низко, никакой купол не успеет погасить скорость падения. Каждый пытался ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы не летать из угла в угол, как шарик в пейнтболе.

– Будем садиться на болото! Держитесь! – прокричал пилот, но десантники скорее догадались, чем услышали, что он пытается им сказать. Механизм рампы после удара молнии заело, и ревущие потоки воздуха стремились вымести из грузового отсека все, что не было привязано или привинчено.

Пилот успел за это время сократить расстояние до цели втрое. Перевалив из последних сил через заросшую лесом невысокую гряду, истративший весь запас высоты транспортник жестко плюхнулся на широкое брюхо и заскользил, поднимая тучи брызг и с оглушительным треском подминая кусты и чахлые деревца. При этом на каждой кочке самолет кренился то на левый, то на правый борт. Оба двигателя дымились, корпус трещал и вибрировал. Десантников швыряло из стороны в сторону. Тех, кто оказался в момент удара ближе всех к открытой рампе, похоже, просто вытряхнуло из самолета. И нельзя было сказать, кому повезло больше – им или тем, кто остался внутри «Провайдера». Проскользив так метров двести, потерявший управление транспортник вдруг подпрыгнул, словно на трамплине, а потом резко клюнул носом, влетев в скрытую поднявшейся водой котловину небольшого озерца. В разбитую носовую часть хлынул мутный поток, мгновенно заполнив пилотскую кабину и большую часть грузового отсека, в котором еще в момент удара о землю погас свет... Шелест, треск, скрежет... Наконец все стихло. Наступившую тишину тут же вытеснил всепоглощающий гул тропического ливня...

* * *

Открыв глаза, Туманов понял, что лежит лицом вниз, в промокшем насквозь камуфляже на стволах двух упавших впритык друг к другу деревьев, словно в парке на скамейке, и что ему повезло – жив и ничего не сломано. Однако двигаться было больно – словно все тело было одной большой шишкой. Больно – значит, ты живой, вспомнил он старинную мудрость и попытался усмехнуться. Хотя, скорее, скривился от боли. «Интересно, сколько я так уже лежу?» – подумал он, ощущая легкий озноб. Дождь лил по-прежнему. В Подмосковье такое лежание под дождем закончилось бы гарантированным воспалением легких даже для самого закаленного организма. Но здесь вода была довольно теплой. Значит, можно надеяться, что все обойдется.

Когда «Провайдер» рухнул на болото, полковник не сумел удержаться на ногах, и его здорово приложило головой о переборку. Поэтому как он выбрался из тонущего самолета, полковник вспомнить не смог. Туманов бросил взгляд туда, где вспышки молний периодически высвечивали самолет, с трудом различимый в темноте. Носовая часть «С-123» вместе с левым крылом уже полностью ушла под воду. Грузовой люк тоже. Над поверхностью болота остался только верх задней части фюзеляжа с хвостовым оперением и слегка задравшееся вверх правое крыло. Это означало, что внутрь самолета нечего и лезть. Воздуха там нет, к тому же в такой мутной воде и собственного носа не увидишь, тем более что сейчас ночь. Судя по всему, само-

лет влетел в какую-то яму или озеро – там, где была кабина самолета, глубина сейчас составляла не меньше пяти метров.

– Командир!

Он повернул голову. Рядом, на другом конце «лавочки» при следующей вспышке обнаружилось двое десантников. Пулеметчик и медик. Причем врач, похоже, еще не до конца оклемался. Только двое... Еще двоих он увидел в воде, но эти двое уже свое отвоевали – лежали на мутной поверхности, раскинув руки и уставив в небо неподвижные взгляды. Полковник узнал бойцов: тот, что ближе – Кузьмин, гранатометчик. Второй – Карнаухов. Оба прошли Чечню без единой царапины, а вот здесь удача от них отвернулась... Туманов огляделся и понял, что его привела в чувство волна, ударившая по лицу. Снова, выходит, повезло – не захлебнулся. Полковник наклонился и поймал руку мертвого гранатометчика. Подтащив труп поближе, он снял с тела патронташ и винтовку с пристегнутым гранатометом. Пользоваться этой штукой он и сам умел. Потом извлек из нагрудных карманов запасные магазины, половину протянул медику. «Прощай, солдат», – прошептал командир, отпуская тело Кузьмина. Вода продолжала подниматься, а «лавочка» отказывалась всплывать. С одного конца ее удерживали корни, второй придавило стволами других упавших деревьев. Следовало перебраться в более безопасное место, если таковое имелось в округе.

Туманов посмотрел на самолет – можно взобраться на хвостовую часть, если получится доплыть. Должно получиться. Он свалился в воду и поплыл, ориентируясь при вспышках молний на торчащую над поверхностью лопасть левого винта. Морщась от боли, вскарабкался на фюзеляж, воспользовавшись погрузившимся в воду крылом как трапом. Уцелевшие десантники последовали его примеру.

Отдышавшись, командир вытащил GPS-навигатор и включил его. Тот показал, что они приводнились к западу от лагуны Каратаско, не дотянув до расчетной точки высадки чуть больше десяти километров. То есть до самого объекта надо прибавить еще парочку. Полковник попытался изменить масштаб изображения, чтобы лучше сориентироваться, но тут экранчик прибора подернулся какими-то зигзагами и потух – похоже, в треснувший корпус попала вода и нежные японские микросхемы сдохли. Причем окончательно. Но Туманов успел засечь направление на цель относительно затонувшего самолета. Мертвый транспортник был сейчас надежнее компаса – вряд ли его что-нибудь теперь сдвинет с места...

Им, выжившим после такой посадки, очень повезло – все трое отделались сильными ушибами и царапинами, сохранив к тому же большую часть личного снаряжения и оружие. Со средствами связи дело было хуже. Вместе с радистом погибла вся его аппаратура, а значит, и возможность связаться с Манагуа. Командир повернулся к пулеметчику:

– Макаров, рация цела?

– Цела, товарищ командир. Так ведь у нее ж радиус – не больше километра. Да еще этот дождь...

– Я знаю. Но Локис и Петренко успели прыгнуть. Попробуй вызвать. Может, услышат, если близко.

Сам же командир извлек из рюкзака спутниковый телефон и набрал номер Мендосы. Из трубки доносились лишь неуверенные гудки, все время срывавшиеся в статический треск при каждой вспышке молнии. Туманов терпеливо нажал «повторный вызов», потом еще и еще...

– Командир, наши тоже не отвечают, – прервал его бесплодные попытки пулеметчик. – Наверное, слишком далеко. Что станем делать?

– Будем ждать утра. До объекта один марш-бросок, но это днем и по хорошей дороге. Через болото мы ночью не пройдем, слишком опасно.

Словно подтверждая слова командира, невдалеке в болото рухнуло одно дерево, другое...

Глава 10

Наступившее утро было безнадежно серым. Начавшийся накануне дождь по-прежнему неутомимо заливал окрестности горного поселка. Разве что гроза прекратилась. Мария проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо и громко шептал. Вздрогнув, она открыла глаза. Рядом с кроватью девушка увидела жену алькальда. Добрейшая женщина, та чем-то была очень встревожена. Мария вспомнила, как и почему оказалась в доме поселкового старосты, и взволнованно вскрикнула:

– Что случилось? Папу нашли?!

– Нет, но ты помнишь, Педро вчера вечером звонил в участок?

– Да, – девушка пока ничего не понимала.

– Так вот, это самое, там приехал целый отряд полицейских, а с ними какой-то сеньор, он не полицейский, но очень важный, по-моему. Наверное, большой начальник...

Девушка осторожно приподняла край занавески и в самом деле увидела на улице перед домом несколько джипов в черно-белой полицейской раскраске, с работающими мигалками, и нескольких стражей порядка в дождевиках. Как в американском детективном фильме по телевизору. В руках полицейские держали карабины. Педро среди них не было. И хотя это ни о чем еще не говорило, Мария почувствовала, что вокруг нее сгущается что-то темное.

– Мариита, ты одевайся, я думаю, они хотят с тобой поговорить.

Когда девушка вышла в гостиную, там ее уже ждали четверо полицейских – трое усатых верзил, один из которых как бы невзначай загородил собой входную дверь, и пузатый чернявый коротышка в высокой фуражке. Позади коротышки Мария заметила высокого немолодого мужчину в пончо, действительно очень солидного с виду. Лицо его показалось ей знакомым. Да, точно, это был тот самый сеньор, которого она видела вчера разговаривающим с некрасивой женщиной-гринго, она потом оказалась начальницей миссии Армии спасения. Отец тоже их видел и сразу после этого захотел уехать домой. Придать этому какое-то значение дочь то ли пропавшего, то ли убитого торговца не успела.

– Скажите, сеньорита, – не здороваясь и не представляясь, начал чернявый коротышка, который, похоже, был у полицейских главным, – а до того, как вы вернулись домой, вы не заметили ничего странного? В поведении отца, например, в городе... Ведь вы вчера были в городе, так?

– Да, сеньор полицейский, мы были вчера в городе, торговали на рынке, как обычно. Потом услышали, что открывается эта... как ее... миссия... Армии спасения, поехали туда.

– А почему вы не вернулись домой вместе с отцом?

Мария всхлипнула:

– Так получилось, сеньор полицейский. Отец вдруг захотел уехать из этой... миссии. Я не захотела ехать, мы ведь были там очень недолго. А я хотела все посмотреть. Он потащил меня за руку к машине, но я вырвалась и убежала. Тогда он уехал один.

– Отец не объяснил вам, почему он хотел уехать оттуда?

– Нет, сеньор.

– А как по-вашему, почему он хотел уехать? Может, его кто-нибудь напугал? Или что-то? Или он поссорился с кем-нибудь?

– Я не знаю, сеньор...

Коротышка сделал задумчивый вид и едва удержался от того, чтобы не почесать затылок. Помолчав, он принялся нудно расспрашивать девушку о том, как она добралась домой, хотя она уже рассказала это алькальду и Педро. Правда, на этот раз Мария вспомнила о незнакомой машине, которая проехала ей навстречу, пока она шла от развилки до поселка. Коротышка заинтересованно вскинулся, но тут вмешался алькальд и объяснил, что к нему действительно

приезжали представители миссии Армии спасения, по поводу возможного приезда бригады врачей для обследования жителей поселка, и старший полицейский мгновенно поскучнел, осознав бесполезность этой детали. Сеньор в пончо нагнулся к его плечу и что-то сказал на ухо, одновременно что-то вложив коротышке в руку. Офицер, подобострастно кивнув важному сеньору, словно своему непосредственному начальнику, прямо засветился самодовольством и снова повернулся к девушке. Та почувствовала, что сейчас должно случиться что-то плохое, и еле удерживалась от того, чтобы не разреветься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.